

Андрей Пушкин

Два города

Андрей Пушков

Два города

<https://litres.ru/74073836>

SelfPub; 2026

Аннотация

Между двумя вечными городами — Угольным и Серебряным — не прекращается война. Там, куда попадают после смерти, герой ищет своё место и своих, пытаясь собрать смысл заново — уже в новом статусе и новой реальности. В этом пути он встречает любовь, которую когда-то знал на земле: улыбку, что прежде спасала его. И только обретя её, он находит ответ, как жить дальше, когда оба города объявили тебе войну.

Содержание

Содержание	4
Сцена 1. Прибытие	5
Сцена 2. Серебряный город	8
Сцена 3. Арок	11
Сцена 4. Калон	13
Сцена 5. Кали	17
Сцена 6. Трагедия Арока	20
Сцена 7. Открывая дверь	23
Сцена 8. Первый бой	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Два города

Содержание

Сцена 1. Прибытие

Вот и все — это мой конец. Такой ранний, как первый луч солнца на горизонте, он никогда не касается земли. Передо мной мелькали образы и сцены жизни, которую я прожил и которую желал. Все перемешалось. Незаметно для себя я очутился на дубовом стуле, таком большом, что ноги не доставали до пола. Передо мной стояла фигура. Он был одновременно ужасен, как кошмар, и прекрасен, и к нему тянулась моя душа. Он высокорослый, но сутулился под широкими плечами, а руки казались необычайно длинными и заканчивались когтями. Он издал гортанный звук и быстро приблизился ко мне, заставив вжаться в спинку стула.

— Ты прошел путь, но не слишком длинный, — сказал он, рассматривая меня.

— Отчего я не могу подняться? — мой голос звучал слабо, словно я прилип к стулу.

— А ты интересен, глубок и бескрайний, но это не дало ничего? — Я молчал, а он после паузы продолжил. — Твой дальнейший путь еще не определен.

— Предпочту решать сам, — резко ответил я ему, хотя чувствовал, как все мое существо дрожит.

— Это предстоит решить мне, — с холодной улыбкой произнес он.

— Так ты судья! — осознал я.

— Души твоей! Твое тело умерло. Не переживай, оно снова будет у тебя, — он заносил меч и тут же бросал щит надежды.

— Я многое хотел, — во мне что-то грызлось, и я не все понимал.

— Ты врешь! Ты до сих пор желаешь, в любом случае это не конец. — Его лик ужаса смеялся, а второй грустил.

— Тогда почему ты не заставляешь меня вспомнить? — Мне бы и самому хотелось вспомнить, но не все...

— В этом нет нужды, вся твоя жизнь у меня на ладони. — Он протянул руку ко мне. — И там, за дверью, ты забудешь, что когда-то был человеком.

— Раз ты все решил, почему мы ведем эту беседу? — Он склонился надо мной после этих слов.

— Мне было любопытно, — он снова выпрямился, насколько это вообще у него получалось.

— Почему ты выбрал то, что выбрал? — спросил я, а он лишь улыбнулся на мой вопрос.

— Вера, — произнес он, вытянув руку в сторону двери, и добавил: — А теперь ступай.

Я направился к двери. Она была деревянной и обита железными пластинами на заклепках. Я докоснулся до засова и обернулся; судья все так же стоял там.

— Смелее, время беседы прошло, — сказал он, делая рукою торопящий жест.

— Но мне даже не известно имени моего собеседника, — он забыл о спешке после моих слов и, как мне показалось, задумался.

— Плохой тон? — наконец предположил он после паузы.

— Верно, — он поднес руку к подбородку, словно философ, и на миг мне показалось, что свет преобладал в нем над тьмой.

— Риан — мое имя, так меня зовут. Я кивнул, а он улыбнулся.

— Эйрил, — представился я, хоть в этом не было нужды.

Дверь передо мной была массивной. Я открыл засов. Она распахнулась, и меня обдало нечто, но точно не ветер. Я пропал в пустоте и не ощущал хода времени. Я задумался и, словно живописец, начал рисовать мир. Стал видеть каждый его мазок, все больше уточнял и сглаживал, добавляя оттенков света и тени. Мир строился на глазах, и я не спеша входил в него.

Сцена 2. Серебряный город

У ворот меня поприветствовали стражи; их было двое: мужчина и женщина. Их доспехи были из серебра, а на спинах располагались крылья из света. В ножнах — мечи. Над воротами была вырезана фраза: «Оставь прошлое, впереди вечность». Я прочитал её вслух. Стражи переглянулись, но ничего не сказали. Мужчина достал рожок и издал звук, пробирающий до костей. Следом врата открылись, и меня пропустили в серебряный город.

От Риана я ушёл уже с телом и снова мог всё ощущать; душа не была обнажена, и это дарило определённый покой, привязанной привычки. Как я понял позже, здесь каждый мог заглянуть в душу. Большое мастерство заключалось в том, чтобы даже в этом месте показывать только то, что ты сочтёшь нужным. Старое человеческое здесь всеми отвергалось; все с радостью или даже не замечая этого принимали новую данность бытия. Многие бы это назвали покоем, и многие в этом состоянии и оставались. Но были и другие, в том числе и я. Я ничего не забыл, я знал своё «Я» и считал величайшим грехом забыть себя. И пока все словно лунатили по райским садам, я изучал древний город.

Дверей в городе было бесконечное множество, и мало какие были открыты. Я спрашивал души о них, но многие и

вовсе их не видели. Тогда я пошёл к ангелам, но и они остались глухи к моим вопросам, пока не наткнулся на ангела по имени Арок.

— Я давненько наблюдаю за тобой, ты необычный. Что ты ищешь в серебряном городе? — спросил он.

— Ключи. — Меня не удивило, что он наблюдает за мной. Это было более нормально, чем всё, что происходило здесь.

— Их нельзя дать, только взять. — Мне нравилась прямота и простота, с которой мы начали общаться; в этом была легкость, впервые за долгое время.

— Где? — Я не надеялся услышать ответа от Арока.

— За той дверью, черной как уголь, с той, с которой смола стекает, если подойти ближе. Та, что пылает, когда прикоснешься. — Он был серьезен; думаю, это же можно было сказать и обо мне.

— Спасибо. — Я кивнул, поблагодарил его и уже собирался уходить, как он окликнул меня.

— Постой! Ты сотни раз был у неё, но так и не открыл! — Он был прав.

— Я знаю, что там, и не желаю быть за ней, — лишь быстро сказал я.

— Но теперь выхода нет... — Арок осекся, но всё уже было сказано.

— Он есть, — с натянутой улыбкой произнёс я.

— Ты мудр. — Он протянул мне руку, и я пожал её. — Увидимся, Эйрил.

Вот и она, просмоленная; осталось докоснуться, и пожар поглотит меня. Чтобы куда-то прийти, мне вечно приходилось лезть через огонь. В той жизни всё тоже давалось с таким трудом и нечеловеческим усилием. Можно ли это списать на неудачу или сам я был запущен и лишь рвался из болота, которое тянуло обратно, обещая какой-то покой? Ты только смирись. Вот и сейчас в этом городе то же самое. Всё здесь без движения; в этом нет жизни. А я, сколько помню себя, призрачал это. Да что уж там, я раскачивал свою лодку. И если надо — нет, не правильно, мне это нужно, и раз так, я вхожу и потревожу всё то, что хочу оставить в покое.

Сцена 3. Арок

Я в какой-то мере стал изгоем в райской куще и не встречал таких же бунтарских молодых душ, как сам. Но я знал, что они есть; я — тому доказательство. Лишь ангел Арок составлял мне компанию, но часто его не было. Я сам так увяз в познании, что, без ощущения времени, но с памятью, уходил в эти двери с головой. В этом сферическом мире, где все всё забывали, я воскресил в своей памяти целую жизнь до мельчайшего мгновения. Какой путь я прошёл, и тут память работала так же, как и на Земле. От этого мне стало ещё противнее видеть тех, кто просто существует здесь.

— Они же прожигают души, — возмутился я.

— Это их выбор, — спокойно произнёс Арок.

— И, по-твоему, они достойны такого царства небесного? — спросил я.

— Твоё царство здесь и здесь, — он показал на голову и сердце. — Тебе тяжело идти через этот бурелом, но иное тебе не по душе.

— Тяжело, что я всю свою жизнь один; это меня угнетает больше всего на свете. — Печаль окутывала меня, я ею дышал.

— Знаю. — Я взглянул на него. — Я не всегда был ангелом; когда-то давно я тоже был такой же юной душой, как

ты сейчас.

— Твоё движение угасло, — я старался произнести это по-дружески.

— Ты прав; в один миг во мне что-то перегорело, и заставить себя уже не смог. — Я понимал его чувство, эту утрату, давным-давно.

— Больше нам ничего не остаётся. — Мы угнетаем и подбадриваем себя, произнося слова, которые хочется сказать и услышать. Надо чем-то заполнять пустоту...

— Только если желаешь идти, — после паузы он продолжил. — Для меня это были окна. Я отворял их, и мне открывались тайны; за некоторыми из них были древние, и они давали знания.

— Они редки; я встретил только двух, — поделился я своими поисками. А что я ищу...?

— Чтобы встать на службу в небесное воинство, тебе нужно отыскать Калона; его дверь подпирает пика. — Мы ещё какое-то время сидели молча, только иногда я слышал, как он тяжело вздыхал, глядя в даль без горизонта.

— Я отыщу его, — произнёс я, когда собрался уходить. Арок ничего не ответил, лишь издал «Хм». Я оставил его в одиночестве, наблюдающим за сводом облаков.

Сцена 4. Калон

Калон был древним и выглядел как дряхлый старец. Он опирался локтями на стол и даже не посмотрел на меня, когда я появился на его пороге.

— Чем дальше, тем всё меньше душ у меня в гостях, — произнёс он, смотря на лист пергамента. Его обитель была обложена различными книгами, бумагами и свитками. Если бы только ветер имел права заглянуть сюда...

— Это не удивительно, — резко сказал я, и он перевел взгляд на меня.

— Знаешь, в топке под нами те же проблемы: мы медленно уходим в забвение, — с каким-то равнодушным сожалением произнёс Калон.

— Что это значит? — Я подошёл к его столу и смотрел на него сверху вниз, но его это не смутило.

— Душам с Земли больше некуда будет идти; это будет их конец, — он производил впечатление того, кто не доволен текущим состоянием дел, но ничего не делает.

— Найдутся те, кто не сдастся даже после вашего фиаско, — сказал я, и Калон улыбнулся, отводя глаза.

— Думал ли ты, что таков рай? — спросил он.

— Его описывали у нас как довольно ленивое место, — сразу ответил я.

— Очень верно подмечено: рай стал разлагать души, раньше всё было иначе, — он привстал, опираясь рукой на стол.

— А что же Всевышний? — хотел узнать я после паузы.

— Тебе же знакомо: такое, как увлечение, наскучило, и ты переходишь к новому, — он с сожалением выдохнул. — Но ты тут не за этим.

— Думаю, у вас задают только один вопрос, — по его выражению я был прав.

— Ты нравишься мне, и поэтому ты принят в ряды ангелов, — без тени фальши произнёс Калон.

— В чем подвох? — поинтересовался я; он всегда есть.

— Ни в чем; когда покинешь меня, ты в войске Господнем, — я удивлённо взглянул на него с подозрением. — Слишком просто?

— В этом и есть подвох. — Мы украсили друг друга понимающими улыбками.

— Молодец. Будет весьма трудно, поверь мне, — Калон сглотнул и продолжил. — Угольный город и серебряный в вечном противостоянии, но сейчас открытой войны нет. И мы, и они лишь оскверняем святость друг друга. Толпы фанатиков мечтают развязать войну, а я здесь один, пытаюсь сохранить мир, как умею.

— Что от меня требуется? — он снова сел за свой стол, как будто стоять ему было нестерпимо тяжело.

— Быть хорошим ангелом, мой друг, — наверно, он произносил это наставление несчётное число раз, но это было

то, что нужно знать, ни больше, ни меньше.

— Это мне по душе, — сказал я одобрительно.

— И ещё одно, Эйрил: клинки, как демонов, так и ангелов, убивают только твою оболочку. Пробудившись в зале воскрешения, у тебя будет новая. — Калон убрал в стол лист и взял новый, но не стал читать, а устремил взгляд на меня.

— Но победы тогда просто не существует... — мне не понравилось то, что я узнал, и он знал это.

— Как мы воюем, в этом нет смысла, да? — лицо древнего напряглось. — Охраняй серебряный город; если демоны ворвутся на улицы, то обычные души перед ними беззащитны, и их ждёт гибель. Защищай жителей и держи границы на замке.

— Как можно убить душу демона? — он видел мой пыл; его дряхлое тело не показывало этого, только глаза заражались тем же порывом, что и у меня.

— Опасайся клинка архидемона на поле боя; если он пронзит тебя... — он замолк.

— Я понял, — сказал я.

— Что ты понял? — проверяющим тоном спросил древний.

— Надо защищать тех, кто не может за себя постоять, — без замедления ответил я, и он кивнул.

— Очень хорошо. Ступай в эту дверь, — Калон указал на дверь, которую я не заметил, когда вошёл. Она словно была сделана из книжных корешков. — За ней казарма; там тебе

всё покажут, всему обучат.

Сцена 5. Кали

Прошло время познания; теперь я был готов, так сказали они и Калон, перед которым я сейчас стоял. Мне не терпелось отправиться на границу; эта размеренность была не по мне. Тогда я ещё не знал, что меня ждёт.

— Не теряй головы, Эйрил, — сказал Калон. Я же, по сути, ждал отмашки. — Осталось последнее.

— Мой напарник в этой вечности, — продолжил я за него и был спокоен.

— И во всех последующих, — добавил древний. За моей спиной открылась дверь, и я услышал приближающиеся шаги. — А вот и она...

Калон был крайне доволен; можно даже было допустить, что он впервые в жизни был счастлив. Я обернулся, и это была она. Она здесь, стояла рядом со мной; улыбка, глаза, фигурка. Я невольно схватился за стол древнего, чтобы устоять.

— Привет, Эйрил, — сказала она. Я не знал, что со всем этим делать...

— Кали, — ответил я, отвёл глаза на пол, думая, что этого не может быть. Затем снова взглянул — она стояла там же. Кажется, я непроизвольно произнёс ещё раз её имя.

— Смотри, как он залился краской, будто человек! Мне впору встать и поддержать его, а то колени его стали слабее

моих, — она засмеялась. И всё, что я смог сделать, это отцепиться от стола и молча направиться к выходу.

— Вот так всё бросишь, ничтожество? — с иронией произнесла она.

Я обернулся: старик не смотрел на меня, а лишь улыбался ей. Её лица я не видел и не хотел. Слишком много в нём было написано для меня. В два больших шага подошёл и склонился над стариком.

— Наедине, — резко сказал я. Он кивнул.

— Прошу извинить нас, дорогая, — заявил он. Она вышла, и древний стал суровее тучи. — За одну такую выходку ангелы теряли свои крылья.

— Почему она? Это шутка какая-то, Калон? — меня взяло в озноб.

— А в тебе совсем нет страха сейчас; он весь в ней! — Он бегал глазами по моему лицу и диву давался.

— Я не буду её напарником; пусть это будет любой ангел, да хоть один, но не она, — громко ударил я по столу, и бумаги разлетелись.

— Я принял решение, и изменить его ты можешь только убив меня, — он ехидно смотрел на меня. — Серьёзно? Ты и правда думаешь об этом? Считаешь, это будет легче, чем подчиниться?

— Я пас, забирай крылья; ничто не стоит так дорого. — Я уже всё решил, ведь речь шла о ней.

— Риан говорил, что ты так глубоко закопал память о ней,

что и он с трудом её увидел, — Калон испытующе смотрел на меня.

— Не без основания. — От его взглядов мне хотелось провалиться; мир слишком сильно сомкнулся на ней.

— Ступай, подумай; здесь душно, и нет простора для мыслей. — Он посмотрел на беспорядок на своём столе, а я ушёл.

Сцена 6. Трагедия Арока

— У тебя уже появился напарник? — спросил Арок под солнечным небосводом.

— Лучше бы и не появлялся, — ответил я.

— Неужели она так дурна собой? — в напарниках всегда разный пол, это правило как на небесах, так и в преисподней.

— Не в этом дело; я знаю её ещё с Земли... — после того как я увидел её, всё пробудилось, то, что я так глубоко закопал.

— Ты на себя не похож; что там было? — было, было, было; я только и думаю об этом.

— И не спрашивай. — Какое-то время мы молчали, а потом я произнёс. — Я думал, что больше её не увижу; мне больно её видеть и...

— Понимаю, — не сразу ответил Арок.

— Правда? — это был риторический вопрос, но он ответил.

— Так невыносимо, потому что было всё так отлично, а потом... и ты не в силах был; просто уже не осталось сил...

— Тебя тоже кто-то окрылил, а потом низвергла... — а может, это мы низвергли их, подумал про себя я.

— И тоже напарница, только я не знал её раньше, в отличие от тебя, — он не смотрел больше вперед. Светило уже

стремилось в закат, и его голос стал преисполнен горечи.

— Не говори, если не хочешь. — Я не хотел его терзать, и во мне не было сил поддержать друга.

— Мне хочется рассказать. — Он замолчал, закрыл глаза и начал. — Это и сейчас стоит передо мной, как на мох глазах: её казнит архидемон Залан, а меня держат его демоны, а потом убивают мою оболочку.

— Мне очень жаль... — проронил я, положив ему руку на плечо.

— Когда нас схватили, и он подошёл к ней, я молил забрать меня, а она безотрывно смотрела на меня, говоря, как любит меня. Эйрил, она знала, что вот сейчас ещё миг, и он решит; его меч опустится на неё... — он глотнул и не продолжил.

— Это погасило твою искру, и теперь ты ищешь смерти, жаждешь её. — Я видел это в нём, но не знал до сегодняшнего дня, что именно рвёт его изнутри.

— Сколько раз я пытался, но никто не приносит мне покоя; я даже просил архангела сразить меня, но в ответ получил только презрение. — Арок сокрушался, а я молчал. — Так что не глупи; она здесь жива...

— Я не в состоянии быть рядом с ней, мне это не под силу, — на одном дыхании сказал я.

— Боишься навредить... — проронил Арок.

— Я боюсь всего, что связано с ней. — Это правда: я боюсь снова быть с ней рядом, и дело не в вечности, но я рад,

что с ней всё хорошо.

— Страх тебе не союзник в этом деле, как и бегство, — сказал он, а я лишь думал, что мы оба бежим.

— Мы можем только выслушать друг друга, но не помочь, — произнёс я; мне не хотелось больше говорить об этом.

— К сожалению, это так. У каждого свой рай и ад, и порой в одном есть другое. — Необъятная даль раскрасилась в уходящую зарю, и мы ещё долго сидели там молча, думая обо всём и ни о чём одновременно.

Сцена 7. Открывая дверь

— Свежий воздух, — сказал Калон, но тут его уже давно нет; больше некому проветрить это место. Былое величие города небес, его пики и брусчатые улочки, великолепие садов... но так пусто, всё давно увяло. Я брожу здесь, и нет мне покоя на душе. Вот дверь, ещё одна. На ней в верхнем правом углу вырезан листок, но он не цел; оборван. Вся дверь зелёного цвета, а лист, словно, утратил его. Я смотрел и не видел ничего перед собой; мои мысли подались в бездну. Но их вернул её голос.

— Её можно открыть только вдвоём, — Кали стояла рядом со мной по правое плечо, а потом обернулась и с улыбкой сказала: — Привет.

— Кали, зачем всё это? — мы уже стояли друг напротив друга, так близко, что я ощущал её дыхание. — Ты забыла, что между нами было? Нет, я не верю; ты всё помнишь!

— Да, помню. — Она глубоко дышала; улыбка соскользнула с её лица и не возвращалась. — Почему ты не вернулся? — Ты знаешь... — я лишь развёл руками.

— Что толку мне от этого? Ты не должен меня оставлять... — она была такой же, как я её запомнил. — Ты любил меня!

— Люблю. — Кали была ошеломлена и застыла, словно

статуя. — Не думал, что ещё когда-то увижу тебя, и что это будет ещё более невыносимо, чем уйти навек.

— И снова заставил пролить слёзы. — Она достала платок и отвернулась. — Эйрил...

— Да? — её лицо снова светилось. Как же мне этого не хватало.

— Помоги открыть нашу дверь. — Кали уже схватилась за входную ручку и протянула мне свою. — Смелее.

— Нашу? — сказал я, и, дав ей руку, дверь распахнулась. — Здесь всё чужое.

— Не в этот раз, Эйрил. — Её голос был уверен, и мне хотелось ей верить. — Ты сам всё увидишь.

— Кали... — вот мы и за дверью с лепестком, туда, куда не попасть одному. Она была рядом; я держал её за руку, как когда-то, и мы гуляли...

За дверью, которую подпирала пика, я согласился. Теперь я был в воинстве, тогда я ещё не задумывался, что это самый большой тупик в моей жизни. Удачи — это всё, что пожелал мне Калон, а ведь правда, её отсутствие я остро ощущал.

Сцена 8. Первый бой

Первый бой состоялся, и не так, как ожидалось. Всё всегда иначе; такова реальность нашего бытия. У меня отсутствовало настроение как таковое, слишком много стоило оказаться здесь, в этой казарме. Мы словно летчики Второй мировой на инструктаже перед вылетом. Кали пару раз толкнула меня в плечо в надежде взбодрить, но это у неё не получилось. Дали отмашку, и я сорвался с места. Серебряные пики уже были позади; впервые полетел, разрезая облака, вниз и ещё вниз. Вошёл в облако; взмах меча — движение моего удара преградил чёрный клинок. Облако начало медленно рассеиваться от столкновения лезвий и открыло лицо демона. Такая же оболочка, как и у меня, только облачённая в чёрные цвета. В его лице совсем не ощущалось злобы; оно выражало, как мне показалось, спокойствие. Позже я узнал, что это всё из-за рутины противостояния. Облако уже не окружало нас, а мы оба зависли в воздухе со скрещёнными клинками. Внизу дымил угольный город, поглощая весь свет и утягивая его в себя, а над головой город небес отражал лучи во все стороны света и тонул в пушистых облаках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.